

"Джон Хаулетт был нашим честным и верным партнером.

За всю свою жизнь он проявлял величайшую доброту к своей семье, друзьям и всем, с кем он общался. Теперь он похоронен, и пришло время его ухода. Он ощущал ту прекрасную жизнь с величайшей любовью. Когда он ушел, он прошел свой путь, сохранил веру. Отныне ему уготована корона праведности, которую Господь, Судия праведный, дарует ему в тот день. Не только ему, но и всем, кто любит Его явление. Аминь."

Отец Ганс произнес надгробную речь торжественно и сочувственно, и вороны на кусте роз были, не мигая, отбивая ритм длинной интонации священника. Лицо Элизабет Хаулетт было бледным, и слои черных вуалей закрывали ее лицо, а черный и белый цвета были до такой степени ослепительными.

Джеймс в его объятиях плотно сжимал губы, его маленькое лицо было напряженным. Он не плакал, но это сделало всех, кто видел эту сцену, еще более опечаленными. Такой юный ребенок потерял отца, но изо всех сил пытался притворяться сильным, что заставляло гостей, пришедших отдать дань уважения, еще больше ненавидеть этого дьявольского садовника.

После церемонии Джеймс первым подошел к гробу, который вот-вот должен был быть засыпан землей, положил веточку белой хризантемы, взял горсть плавающей рядом земли и посыпал ею, и люди один за другим подошли, чтобы произнести свое последнее прощание.

Мистер Хаулетт стоял в стороне. После того, как все ушли, старик взял лопату рядом с собой, медленно подошел к могиле и по одному заполнил ее землей.

Изначально серые волосы и борода превратились в серебристый иней, и доброта и мягкость, привнесенные несколькими годами комфортной жизни, исчезли. Казалось, что за ночь он вновь стал человеком по имени "Кровавая грива", но на этот раз кроваво-красный был запятнан его сыном.

Роуз О'Хара взглянула на Джеймса, который шел впереди нее, отошел от своей матери и взял его за руку. Джеймс повернул голову и неохотно улыбнулся, но не отказал.

Он чувствовал раскаяние и вину в своем сердце и не мог говорить о глубоких чувствах к Джону, но он мог ощущать чистую отцовскую любовь Джона Хаулетта. Возможно, через несколько лет он действительно интегрирует все свои эмоции и сознание в это место. Во времени и пространстве он искренне примет этого человека, даже если глубоко внутри будет знать, что это не его "биологический отец".

Более того, Джон был добрым человеком и самым невинным человеком. Он всегда верил, что его бывший брат был просто пьяницей и развратником из-за смерти своей жены при родах. Отвращение и ненависть к нему, возможно, были более неоспоримыми, и даже в тот момент, когда пуля вошла в его тело, он мог не поверить, что Томас Логан поступит с ним так.

Безрассудное поведение самого Джеймса привело к непредсказуемым последствиям, и непровоцированная смерть - это величайшая трагедия.

Несколько окружающих хозяев усадеб, казалось, считали, что потеря их сыновей в их преклонные годы сокрушит мистера Хаулетта. Услышав новость, они стали беспокойными и начали провокационные действия на установленной границе пастбища. Бездействие мистера Хаулетта до погребения Джона Хаулетта вызвало еще большую активность.

В эту самую ночь, на следующий день после похорон, мистер Хаулетт верхом на Черной горе с

маленьким Джеймсом спереди. Перед ним была вся усадьба, освещенная факелами, и более трехсот всадников стояли, что намного превышало чьи-либо ожидания его силы.

Многие лица были такими знакомыми - сторожа в усадьбе, слуги, крестьяне в полях и ребята на конном заводе. Эти братья, сопровождавшие мистера Хаулетта при строительстве его фундамента, остались с ним другим способом. Они опустили свои ружья и взяли сельскохозяйственные инструменты, завели детей и занялись землей, но они снова взяли в руки оружие, чтобы вновь стать собой.

"Я похоронил своего сына сегодня, и у меня есть время заняться другими делами. Очень прискорбно, когда люди сталкиваются с таким в преклонные годы. Многие могли подумать, что я сейчас лягу на постель и назову ласковое имя своего сына. Они даже хотели прийти и самим убедиться, как я пойду с Джоном. Но у них не хватило смелости, они не посмели встать перед Уильямом Хаулеттом! Что ж, пойдем к ним и скажем, если я все еще тот, кем был, и вы! Вы все еще не те самые "волки"!"

Он крепче сжал хлыст, сильно хлестнул Черную Гору и вылетел из усадьбы, за ним следовали рыцари, словно огненный дракон. Слово обжигающий острый нож, пронзающий ночь..

Одна непрерывная ночь гонки, три города и семь усадеб, 216 жизней. За это мистер Хаулетт заплатил тридцатью четырьмя старыми братьями. Но он ни на мгновение не колебался от начала до конца, и даже Джеймс, все это время находившийся у него на руках, не оказал и малейшего сопротивления.

Он мог почувствовать крошечного внука в своих объятиях. Ему казалось, что ребёнок будет дрожать всё время, и даже умолял его пойти домой и найти свою мать. А Джеймс с широко открытыми глазами наблюдал, как мимо проносятся сцены. Даже если открыли грудь подростка, выглядевшего ровесником, ничего не изменилось.

Рассвет приближался, и команда, наконец, вернулась с небольшим истощением. Мистер Хоулетт вдруг необъяснимо испугался, что его внука напугали до смерти. Он ужасно сожалел об этом. Ребёнку, которому не было и двенадцати лет, только что потерял отца, и увидеть такую ночь убийства, он не осмеливался думать об этом.

"Джем, Джейми?" - дрожащим голосом спросил мистер Хоулетт, обращаясь к Джеймсу впервые за ту ночь.

"В чём дело, дедушка?" - Джеймс повернул голову, чтобы посмотреть на мистера Хоулетта. Хотя его внук не спал всю ночь, он выглядел измученным, но его глаза были ясными. Сердце мистера Хоулетта тяжело опустилось. В тот момент, когда он услышал ответ, мистер Хоулетт стремительно постарел, словно под наваждением, и его прямая спина, наконец, смягчилась.

"Прости, Джейми."

Джеймс странно посмотрел на своего дедушку.

"То, что я тебе пообещал раньше, было сделано не очень хорошо, одна очень маленькая вещь была сделана неудачно.." Сердце Джеймса, казалось, заболело в этот момент, и он схватил мистера Хоулетта, который был покрыт кровью и ружейным маслом. Мистер Хоулетт погладил мягкие и густые чёрные волосы Джеймса и сказал: "Запомни всё это, глубоко запомни."

"Я запомню, дедушка."

..

Только на рассвете Виктор Логан обнаружил мёртвое тело, полное ворон и неизвестных птиц, в дикой долине на далёком востоке ранчо.

Его приближение напугало этих маленьких парней, которые завтракали. Трупы уже были в клочья, особенно всё лицо было полностью склёвано, и невозможно было различить внешность. Из двух глазниц свисали остатки падали и волокна. Виктор поднял тело, которое намного превышало его рост, и энергично зашагал к холму.

Когда поднималось красное солнце, он уже взобрался на край обрыва на вершине горы, сбросил труп со своих плеч и просто разровнял гравий и комья земли на этом месте.

Он копал очень быстро и с большой силой, и его пальцы сгнили уже после нескольких взмахов, но толстые и длинные ногти, казалось, совсем не пострадали, и они смутно удлиннились.

Кончики пальцев всё ещё кровоточили, но то, чего сам Виктор не замечал, заключалось в том, что, хотя пальцы были истёрты и потрескались, они всё время понемногу заживали и не становились хуже. Таким образом, одной рукой он вырыл яму достаточно глубокую, чтобы в ней мог лежать человек.

Виктор поднял лежащий рядом труп, аккуратно бросил его туда и засыпал яму. Подобрал и подобрал вокруг, он нашёл несколько камней и по одному выложил их на землю.

"Я не поставлю тебе надгробие, чтобы кто-нибудь не покопался в твоей могиле, такой ублюдок, как ты, не заслуживает креста, и я не знаю, что говорит священник, так что пусть будет так. Не требуй слишком многого, моё время истекло. Отец."

Виктор развернулся и пошёл вниз по горе, не оглядываясь.

(конец этой главы)

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/101307/3812146>